

1

Если верить спидометру автомобиля, белый домик охотбазы Шашкова находится ровно в ста двадцати километрах от последнего поста ГАИ в областном центре.

Выехали мы в пятницу после обеда, рассчитывая попасть на рыбалку ранним вечером, когда до темноты еще далеко и можно успеть устроиться, не упустив закатную зорьку.

Почти год не был я у Шашкова. Все собирался и не мог выбраться. Между тем отшумела холодными ветрами осень. Прошла зимняя подледная рыбалка, мелькнула апрельским солнцем и свежей майской зеленью красавица весна, и вот уже июнь снова наполнил зноем городские улицы, размягчил асфальт, собрал очереди у автоматов с газводой. Уходило молодое лето — ценнейшая для отдыха с удочкой пора, когда природа еще в цвету, но уже окрепла, а рыба, оправившись от весенних хлопот, ходит весело и жадно берет наживку, когда самые короткие ночи и самые красивые закаты, пахнет свежескошенное сено и все живое еще радуется солнцу.

Упускать такое время, как говорится, совсем грешно, и я вырвал, наконец, два выходных дня, пригласив с собою Валентина Шилова — товарища и сослуживца.

Валентин — жердина в очках — из той породы любителей рыбалки, что могут часами сидеть с удочкой в руках у любой лужи. Их рыбацкая страсть похожа на болезнь. Он знал уйму рыбацких хитростей, разбирался во всех орудиях лова, был оснащен что рыболовецкий кооператив, хватался за удочку, как мушкетер за шпагу. Только вот редко удавалась нам настоящая рыбалка, все больше урывками да поблизости, где рыболовов теперь больше, чем рыбы. В общем, собрались — поехали...

2

Как там Шашков, строгий, немного хмурый и грубоватый? Как его милая жена Ксюша? Они жили рядышком с природой, любили и хорошо понимали ее. Тронь Шашкова, напомни ему об этом, усмехнется, промолчит: не стоит, мол, трепать об обиденном. Но мы-то знали...

Пятнадцать лет работы егерем, и все пятнад-

Алексей
БЕРЕГОВОЙ
г. Ростов-на-Дону

ПОЙМА

(два дня с Шашковым)

рассказ

цать рядом с ним Ксюша — жена и помощник. Такая уж выпала доля: сменить городскую налаженность на жизнь в затерянном в степи хуторке, они приняли ее добровольно и вряд ли теперь жалеют. Наверное, и у них бывают тоскливые минуты и трудные дни, но, глядя на них, подумаешь: здесь их дом, приехали они сюда не случайно и надолго.

3

Дорога. Километровые столбики. Деревья вдоль высокой обочины сливаются в сплошную стену. Серая лента асфальта стремительно прячется под капот. Мерный гул двигателя.

Мутно-голубой Дон под высоким мостом, встречный поток машин — тяжелый, нескончаемый. За развилкой — поля, поля, женские фигурки меж свекловичных рядков, одинокая пароконная бричка.

Валентин поблескивает очками, улыбается. Доволен? Еще бы! Сразу — в грудь свежий ветер задонья и главное: раскованность, ожидание отдыха, как праздника. И не от трудов, нет, от повседневной монотонности, замешенной на суете и спешке...

Трудно это дается в наши дни. Туда не подъезжай, здесь не останавливайся, проход закрыт! Сплошные запреты, куда ни кинься! Система запретов. Может, где-то они и нужны, но нельзя же наводить порядок одними запретами. Но так, конечно, легче — практически ничего не надо делать. Какую-нибудь изгородь и пару табличек: что нельзя и какие будут приняты меры. И — вроде обязанности выполнены. А попробуй, чтобы было можно, разрешено, «приглашаем остановиться» и тому подобное? Морочка! Это ж надо обдумать, изошряться, согласовать, изыскать возможности! Голову сломать можно, а своя голова дороже.

К чему ковыряться в мелочах, уж лучше отгрохать что-нибудь грандиозное! Лет за десять, скажем, пансионат на две тысячи мест... Со всеми вытекающими... Сначала сломать, потом насадить...

И странное дело: появляются «дикари»-туристы — исчезает природа, строятся базы отдыха — и природа исчезает еще быстрее. Но не все же «дикари» дикари на самом деле! И мо-

жет, не всегда нужно вносить сотни тысяч под строительство, посадки, восстановления, может, достаточно зачастую пары мусорных баков, туалета где-нибудь на лесной опушке да одного «штатного специалиста», который бы не брал трешки за въезд «куды нельзя», а просто смотрел бы, чтобы «дикари» не слишком дичали. Чтобы мог человек побродить не по парку, а по лесу, послушать шорох камыша, журчание тихой речки, посидеть, отрешившись от всего, с удочкой в какой-нибудь посудинке над закатными переливами воды.

И хорошо, если есть еще куда приткнуться. Так, без пожарного оформления, справок, профкома — на время, на день, на тот, урывистый от работы и каждодневного бега час, на минутку. И чтоб без самолета и поезда, быстро и без барьеров.

Размечтался что-то...

4

Участок существовал только на бумаге. Егеря менялись часто и толком ничем не занимались. Не видишь далеко вокруг, глуховат ко всему — везде тебе кореша, всюду почтительное «здрасьте», при случае и в дом кличут на рюмах под балык. Отдаленность, глухомань, начальство редко, да и само порой не прочь... В общем, зарплата идет, другой кадры нету.

Много было «хозяев» в пойме. Хорошо, вольготно жилось браконьеру. Рыбы хочешь? Пожалуйста! Ставь сеть весной, когда чебак прет или сазан, и обеспечен рыбой на весь год. Не ленись, поставь еще пару раз — зазвенит денюга, и немалая. Раков? Сколь душе потребно. Соскучился по зайчатине — иди в пойму, попался олень или кабан — не теряйся, бей без промаху. Жене — шапку? Лиса, ондатра для чего? Короче, самостоятельный был участок.

Похожие на броневики мотоциклы чуть ли не круглый год чертили пойму, в их колясках всегда можно было найти острогу, переметы, раколовки, сети да и ружьишко. Все привыкли к этим штуковинам, как Тарас Бульба к своей люльке, и тихонько посмеивались над редкими удильщиками как над людьми, обделенными чем-то крепким, хватистым...

Зачем участку егеря, если он пустое место? Для

чего пойме, именуемой заказником, столько моторизованного и вооруженного люда? И почему здесь «стал местным» народ, живущий в двадцати и более километрах от мест обитания рыбы и дичи? На эти вопросы не только нужно было отвечать, никчемность их надо было доказывать. Навсегда. Шашков начал с этого. Собрал все, что мог, двинул в поход на браконьера. Отбирались незарегистрированные ружья, запрещенные рыболовные снасти, парковались во дворе райотдела милиции безномерные мотоциклы.

Тяжко отвыкать брать то, что всегда под рукой. Посыпались угрозы. Ксюша плакала, доставая из почтового ящика очередное письмо без штемпеля и обратного адреса. Шашков только крепче сжимал зубы. Тогда он перестал выходить из дома без казенной малокалиберной винтовки и собаки по кличке Букет. Винтовка вселяла уверенность, внушала кой-кому уважение, охотничья собака чуяла в камышах чужого за сотню метров. Знал Шашков — шуточками здесь не пахнет.

Угрозы продолжали сыпаться, но в пойме стало тише. Все старательно пряталось, тайком ставились снасти, редко гремел в камышах выстрел. В хуторе дружелюбно кивали: «Здорово, Виктор Викторыч! Как жизнь?» — «Здравствуй, Иван (или Петро), жизнь при норме». — «Гарно то, Викторыч!» — «А сам ты как? Где вот сегодня раколовки поставил?» — «Што ты, какие раколовки?» — «Да с зелеными поплавками на белой капроновой нитке. Сёдня двадцать штук грабанул!»

Он смотрел, как черкают на лице слашавую улыбку, наливаются тихой злобой глаза, и, будто не замечая ничего, продолжал:

— Шутнул я. Не нашел еще. Но найду, потому что знаю, где искать.

Он уходил уверенный, что Иван (или Петро) кинется сейчас в плавни выбирать раколовки. Ничего, пусть думают. Что он знает все...

Однажды у магазина подвыпивший Семен Каширин — здоровенный, наглый детина — процедил сквозь зубы тихо, но жестко:

— Не лез бы ты до воды, Витя, — не твоя вона.

— Кто разделил: твое — мое?

Каширин прищурился, смерил Шашкова взглядом.

— Хлял бы ты до дому, в Донбасс.

— Мне и здесь неплохо.

— Не рубишь, што ли? Тикал бы отседова, каяу. Женка у тебя молодая.

— Не на старухе женился.

— Во-во. Неплохо, гришь? Буде плохо. По-га-но! Воды здесь дуже много.

— Не знал.

— Ой, как много. Вода следов не оставляет.

В тот раз Шашков впервые почувствовал, как закипает в нем ярость. Он погладил рукой приклад винтовки, сказал, стараясь быть спокойным:

— Слышь, ты, поганка, видишь эту штучку?

— Ну?

— Так вот, задолби себе: хоть один волосок слетит с головы моей жены, я не стану разбирать, кто это сотворил, а приду и всажу пулю в лоб лично тебе. А дальше пусть будет что угодно. Так что попугай меня еще! Секешь? Ты у меня на мушке с этой минуты.

Семен ухмыльнулся, косонул на Шашкова и понял, что тот сделает именно так. Молча отвалил к магазину. Шашков смотрел ему вслед и думал, что через полчаса все заинтересованные дяди будут знать об их разговоре.

Они надеялись постоянным давлением выжить Шашкова из поймы, не зная еще, что давить им придется алмаз.

Все же только таким навалом нельзя было добиться порядка на участке. Нужно было знать пойму: камыш, роши, берег и воду, помнить, где стоит рыба, залегает рак, прячется зверь, выводит птенцов утка. Но самое главное, необходимо было научиться понимать людей, живущих здесь, найти себе помощников. В общем, стать своим в пойме. Все это давалось трудно, и на все требовалось время.

Не враз и не скоро находились помощники. На удивление, потом их оказалось много — людей, которые начинали принимать смысл его работы, его правоту. И притих браконьер, понял кое-что непреложное: от всех не спрячешься, такую силу не сломишь. Самым рьяным пришлось просто-напросто убраться из поймы, и, казалось бы, стало легче Шашкову, пришло время заняться самым главным в работе егеря: животными, птицей, но бываюи еще стычки, неожиданные и жестокие...

5

На полпути всегда остановка. Водоразборная колонка хлещет изумительно вкусной и

холодной струей. На базе у Шашкова с питьем туговато, и здесь мы запасались водой. Напротив колонки — магазин с огромными стеклянными витринами и надписью «Смешторг». Вроде — «Смешная торговля». В магазине докупалось забытое в городе, а главное — настоящий деревенский хлеб: белые, ноздреватые кирпичи с высокой коркой. Хлеб был одинаково вкусен: и свежий, и черствый.

На широкой лужайке у магазина и колонки всегда людно, стоят автомашины. Лужайка густо поросла мягким спорышем, рослые тополя и акации бросают щедрую тень, у лужи бродит гусиный молодец. Слово специальное место для отдыха от монотонной усталости дороги, и редкая машина проедет здесь без остановки.

Набрали флягу воды, купили хлеба. Посидели в тени на спорыше, покурили, двинули дальше. За окном машины промелькнула только половина километровых столбиков, но отсюда почему-то кажется, что почти приехали, что очень скоро — за тем холмом — появится райцентр, а там уже и совсем близко. А дорога все бежала и бежала по подъемам и спускам, пропадала в знойном мареве июньского дня, уносились назад километры, и все росло наше рыбацкое нетерпение.

Наконец-то высокие башни элеватора, справа, за заправочной станцией, первые дома поселка: не то города, не то станицы. Трудно сказать, на что похож райцентр. Малопривлекательное, пыльное скопище домов и деревьев с базаром посредине, убогим универмагом и некоторым подобием бульвара. Здесь без особой необходимости мы не останавливались.

За райцентром — дорога, построенная колхозом. Она ровная, почти прямая и, главное, исправная, в отличие от той сотни километров, которую мы уже отмахали. Встречных машин мало, мы прибавили скорость и сразу почувствовали — теперь уже действительно близко.

Сквозь толщу асфальтового зноя в открытое окно машины повеяло влажным дыханием реки. Пойма!

Проскочив центральную усадьбу колхоза, дорога внезапно оборвалась. Дальше шел «грейдер» — за машиной потянулся густой шлейф пыли.

6

Нам повезло: Шашков был дома. Встретил нас улыбкой.

- Привет! Давненько, давненько...
- Здравствуй, Виктор! Вот выбрался...
- Тебе все некогда. Это твой товарищ?
- Знакомся: Валентин.

Валентин блеснул очками, смущенно пожал протянутую руку:

- Много слышал о вас...
- От него? — кивнул на меня Шашков.
- Да.
- Ты ему не очень верь. Он любит того... приукрасить.

Подошла Ксюша.

- Каким ветром? — удивилась она.
- Да вот...
- Проходите. Чего встряли в калитку? В сад! За стол. Есть небось хотите... — зашебетала она.
- Не надо, Ксюша. Мы только глянуть на вас: живы-здоровы? Поедем мы. Ты извини, хочется скорее к воде.

— Жарко в городе?

— До одури. По асфальту ходишь, как по лаве.

— У нас тоже. Июнь только, а пылищи тьма.

— Ну набуровили, — засмеялся Шашков. — «По лаве». «Тьма!»

— Клянусь! Во!

— Отставить! Валяйте, Федор на базе. Я подкочу позже. Молочка вам холодного привезу...

7

Перед нами пойма. От горизонта до горизонта луга, перечеркнутые белыми нитками дорог, заросли камыша и редкие рошцы, ерики, балки с водой, сохнувшие белесые озера. На вид — то ли дельта большой реки из множества рукавов и проток, то ли старое русло теперь уже маленькой, заиленной и заросшей, исчезающей речки. Трудно было догадаться, что всего в десятке километров лежит огромное, чистое зеркало воды.

Небольшая река разлилась, напоила засушливую степь, и потянулось к щедрому южнорусскому солнцу все, что любит тепло и воду, ринулось яростно и стремительно. Зазеленела пойма, закуширилась, наполнилась посвис-

том крыла, всплесками рыбы, лягушачьими голосами и шорохом зверя.

Низкий, ровный берег, подъем уровня воды с постройкой водохранилища, щедрый дождь и скорые весны под горячим солнцем. Много воды, пролитой на плодороднейшую землю. Стоило весной слегка повибрировать ногой мягкую еще почву, тотчас же под подошвой проступала маленькая лужица.

Кругом безлюдно и удивительно тихо, так тихо, как может быть только в природе, которую не давят гул моторов, рев реактивных самолетов, лязганье промышленных установок и громкие, раздраженные голоса людей. Взмывали вверх жаворонки и какие-то длиннохвостые, белогрудые птички; дорога тянулась следом белесым, солоноватым облаком, и заблудиться здесь, даже после недолгого отсутствия, было раз плюнуть — на первой же развилке или на пересечении с другой дорогой.

Собственно, дорог здесь никаких не было. Весной и осенью можно было пройти пешком или проехать верхом, а первый автомобиль на просыхающей пойме чертил две нитки — колею, по его следу шли другие машины, пока не получалась накатанная, бархатистая от пыли дорога. Каждый год дороги ложились заново, в зависимости от того, как сумел проехать по сырой еще пойме в пестрой путанице воды и растительности, бугров и низин, водитель первой автомашины.

8

Что такое выпасть из горячего нутра автомобиля на мягкую траву в тени деревьев у воды? Я всегда начинал с этого.

Лежишь в траве, смотришь на слабо шевелящуюся листву акаций и дышишь, дышишь изумительной, пахнувшей лугом и рекой прохладой. После городского шума и асфальтовой жары становится удивительно легко, словно разом молодеешь на десяток лет, и кажется, что в этот миг тебе подвластны какие угодно расстояния, посылны любые тяготы. Ты уверен, что можешь не только бежать, но и лететь, настолько невесомым чувствуешь тело и крепкими мышцы.

Это первое впечатление от встречи с базой покорило меня, и в каждый свой приезд я повто-

ряю его сознательно, оно неизменно и никогда не разочаровывает.

Едва кивнув Федору, я упал в траву, раскинул руки, ноги.

— Ложись! — сказал я Валентину.

— Зачем? — не понял он.

— Ложись, тогда узнаешь!

Валентин растянулся рядом. Федор не стал нам мешать, взял ведро и ушел на мостик. Он знал, зачем мы лежим.

Пару минут мы лежали молча.

— Чувствуешь? — спросил я Валентина.

— Что?

— Прохладу.

— Да, — ответил он.

— Ну как?

— Хорошо, — Валентин наконец понял. — Какой воздух! Вставать не хочется!

— Ты дыши, дыши...

— Дышу.

— Только сильно не разлеживайся — не для того приехали.

— Да, конечно, — Валентин сел.

— Лежи, — сказал я, и он снова лег.

9

Федор — находка Шашкова. Он сидел на крыльце, тянул сигарету и смотрел на нас. Плечистый и крепкий, молчун от природы, он делал свое дело на редкость добросовестно и толково. За внешней угрюмостью скрывалась душа хорошего товарища и человека. Был он неприхотлив, ничем, кроме поймы, не интересовался и жил практически здесь, на базе, покидая ее только зимой, и то ненадолго.

Свел их случай.

Шашков был по делам в областном центре, зашел в бар у Старого базара глотнуть пивка и там увидел грязного, заросшего черной щетиной, громадного парнягу с пустыми от перепоя глазами. Чем-то заинтересовал он Шашкова. Подошел, предложил кружку пива. Разговорились. Узнал, что зовут его Федором.

Был он зол на весь мир и старательно топил эту злобу в стакане. Что-то случилось в его семье — что именно, из Федора не вытянешь — и бросил он родную станицу, подался в город. Здесь запил сильно и, как сам думал, безвозвратно.

Перебивался случайными заработками — по причине пьянки долго нигде не задерживался, завел себе корешей из местной алкоты. Сейчас числился грузчиком в большом овощном магазине на базаре, где черноусые, носатые продавцы больше расплачивались за работу красным вином, чем деньгами.

После пива его руки-лопаты перестали дрожать, под бровями проступили глаза. Что толкнуло Федора на откровенность с Шашковым, он, наверное, не знает до сих пор. Может, судьба? Или Шашков внушал ему доверие? В пойму они поехали вместе.

Как ни странно, но Шашков сумел поладить с Федором. Он не предлагал ему бросить пить, не ставил условий, он просто попросил помочь ему, и здесь, на природе, Федор переменялся. Он вошел на базу осторожно, словно к себе в дом после долгой разлуки. Скоро уже база не мыслилась без Федора — везде были видны следы его рук. За десяток лет работы у Шашкова Федор не пил ничего крепче пива.

Раз в год мотался он на родину, пропадал там пару недель, возвращался по-прежнему молчаливый, только глаза его улыбались все чаще. Постепенно оттаивал он душой.

Надежным человеком был Федор, и Шашков ценил это.

10

Валентин пошел разбирать снасти — ему не терпелось забросить удочки. Я сидел на мостике, болтал ногами в теплой прозрачной воде и разговаривал с Федором.

— Что, Федя, рак идет?

— Счас пошел.

— Хорошо?

— Да не то штобы, но есть.

— А рыба?

— Рыбы здесь всегда валом. Вон гляди-ка...

В узком пространстве между береговым камышом и причальным мостиком темно-серебристой массой кишел малек, бесстрашно пощипывал нас за пальцы ног, дальше — к середине протоки — ходила, тускло поблескивая боками, рыба крупнее, такую уже можно было брать на удочку. С мостика часто бросали в воду кусочки хлеба, макухи, остатки каши, приготовленной на приманку, выливали воду пос-

ле мытья посуды, и рыба постоянно держалась здесь. Но поймать что-либо приличное мешала мелочь, она была жадная, нахальная и смелая, всегда поспедала первой.

Валентин забросил удочку. Поплавок ушел под воду почти мгновенно. Валентин подсек, выхватил из воды красноперку величиной с палец.

— Здесь не уди, — поморщился Федор.

— Почему?

— Зря наживку переведешь — вся такая будет. Берите кайку и вон туды, под камыш, — Федор указал на заросший камышом мысок на той стороне протоки, метрах в двухстах от мостика. — Там глыбже, што-небудь да ухватите.

— У нас четыре раколовки, где поставить, Федор?

— Тада гребить на моторке, а я на кайке сбегаю, поставлю ваши раколовки.

— Годится! Только искупаемся сначала...

Мы прыгали с мостика,плыли под водой сколько могли. Вода теплая, мягко обтекает тело. Казалось, она не смачивает кожу, настолько мала разница между температурами воздуха и воды. Только ближе к середине протоки ногами взбалтывался глубинный холод, и тогда легкий озноб мурашками полз по спине. Немножко мешали подводные джунгли — мы натыкались, обходили стороной крупные красноватые листья на прочных коричневых веревках-стеблях, между ними небольшие веточки тянутся со дна кусками зеленой колючей проволоки, плавают, похожие на растрепанные мочалки, комки каких-то жестких травинки и много, много других веток, стеблей, листьев. Ни кусочка свободного дна в прозрачной воде. Все дико, буйно, наперегонки. На поверхности воды просторные окна — на их границе с подводным лесом обычно хорошо берет крупная рыба, — вот в них-то, в основном, мы и плавали.

Валентин стоит у мостика по грудь в воде и смотрит вниз. Стараясь не поднимать со дна ил, я тихонько подкрался сзади.

— Смотри, — сказал Валентин, — здесь настоящий аквариум. Клевый аквариум! Такой, хоть тресни, не сделаешь...

В тени мостика, прорезанной сквозь щели настила косыми лучами солнца, притаился чудный мирок. Со дна тянулись тонкие веточки перистого листика элодеи, торчали несколько кустиков кубышки, дальше виднелись темно-зеленые зарос-

ли фонтиналиса. И еще, еще растения, на которых наших знаний водной ботаники уже не хватало. По дну и стеблям ползали улитки, сновали какие-то насекомые. Стайкою держались маленькие серебряные гвоздики-рыбки, проплывали не спеша, разом поворачивая из стороны в сторону. Грозно выставив острые пики и колючий хвост — на всех ноль внимания — точно по прямой проследовал водяной скорпион, скрылся под мостиком в том месте, где настил соприкасался с водой.

Кажется, мы не дышали, пока смотрели на это подводное диво, потом Валентин задумчиво промывчал: «Да-а...» — и стал взбираться на мостик.

— Тебе нравится здесь? — спросил я.

— Очень. Хотя, на первый взгляд, привлекательного мало. Как-то пустынно и скучновато.

— В том-то и ценность поймы. Потому что — на первый взгляд. Природа умеет прятаться.

11

Погрузили снасти в моторку. Я сел на весла, начал понемногу выгребать к мыску. Моторка тяжелая, идет, рыская носом.

Валентин взял с собой все, что имел. Я долго внушал ему: зря он берет столько, но он не верил мне и, как опытный рыбак, доводил удачу до горлышка. Загрузил полмашины. Шесть удочек разных видов и оснастки, два спиннинга, донки, коробки с крючками всех размеров и марок, километры лесок, поплавок, мотки бечевки, подхваты, садки, ведра, резиновая лодка, рюкзаки с походной одеждой и посудой, сетки для прикормки. Он хотел сунуть еще спальный мешок, но я посмотрел на него как на чокнутого.

— Не на горбу же! — возразил Валентин, но мешок оставил.

Я взял одну удочку и четыре раколовки. Вполне достаточно.

Бесшумно обогнал нас Федор на кайке. Легкая лодка быстро скользила по неподвижной воде, оставляя за собой две косые волны и маленькие водовороты — следы весел.

Федор ушел вдоль протоки, скрылся за поворотом.

Подгребли к камышу, бросили якорь. Образуя мысок, камыш рос полукругом. Получилась небольшая бухточка, покрытая листьями водной травы.

За спиной тихо шелестела плотная высокая стена, прикрывала лодку, точно козырьком. Впереди блестела светлыми прогалинами маленькая заводь, словно специально придуманная зеленая прорубь для поплавок. Отличное место!

Клев сразу отменный. Брали красноперка, тарань, подлещик, режа — гибрид караса и карпа. Вываживался он долго, вносил смятение в рыбацкую душу, леску тянул солидно, таскал ее вправо-влево, но, едва вытасченный из воды, смирил, висел на крючке неподвижно, как дохлый. Красноперка, особенно крупная, хватала резко, уводила поплавок в сторону, потом сильно билась на крючке и часто — не зря, шлепалась в воду, косо уходила в глубину. Тарань брала спокойнее, будто с достоинством, приносила особую радость. И вдруг светил золотистым боком линек, или вспарывал воду острой спиной небольшой чебак — о! И не было больше на свете таких дрожащих рук, таких бледных губ и радостных, счастливых глаз.

Ловили на полусваренные, смоченные подсолнечным маслом зерна пшеницы. Черви или другая мягкая наживка здесь не годились — с ними в момент расправлялась все та же нахальная и жадная мелочь, ее тут такая же тьма, как у мостика. Пшеница ей не «по зубам», и, чуток подюбав зернинку, она уступала ее рыбе, способной заглотнуть пшеничку.

Зерна часто слетали с крючка, и приходилось насаживать новые. Но что значили эти неудобства по сравнению с нашим рыбацким азартом, доведенным до кипения удачей?

— Аквариум, настоящий аквариум! — повторял довольный Валентин, снимая с крючка очередную рыбку. — Слово кто напустил сюда рыбы!

— Скажи лучше: кто сохранил ее здесь!

— Да! Будто и не было последних просвещенных веков...

Ловил он на одну удочку. Остальные снасти лежали смотанными на дне лодки. Пахло рыбой и теплой сыростью.

12

Вечером пошли проверять раколовки. Над излучиной протоки догорал закат. Цвет воды ежесекундно менялся, переливаясь от ярко-золотистого до свинцово-серого. Вокруг кайки во-

да казалась расплавленной медью, выглядела тяжелой и липкой, весла словно бы не опускались в воду, а с трудом протыкали ее плотную поверхность. Лодка скользила бесшумно по гладкому зеркалу протоки, слегка подворачивая влево. Пролетела цапля, скрылась за высокой стеной камыша, впереди большая утка пересекала протоку, как крейсер.

– Что это за утка? – спросил я у Федора.

– Гидроворона.

– Гидроворона? Что, есть такие утки?

– Не знаю. Виктор так зовет. Она каркает почище вороны...

Теплыми волнами наплывало духовитое луговое тепло, пропадало и накатывалось вновь, словно кто бросал его горстями в неподвижном воздухе на протоку.

До раколовок с километр. Их белые поплавки смутно маячили впереди, размытые свинцовым отливом воды у берега и слабыми сумерками. Я сидел на веслах, Федор показывал направление. Валентин остался на базе готовить ужин. Над водой висела плотная тишина, только где-то на острове кричал водяной бугай.

Федор ловко поймал поплавок, потянул за бечевку. Раколовка вышла из воды с легким хлопанием, и Федор вытряхнул в лодку с десятков раков. Не спеша он заправил раколовку новой порцией макухи, размахнулся, швырнул ее в воду. Потом мы проверили другие раколовки. Улов был небогатый, но вполне сносный.

Возвращались, когда закат уже догорел. Над головой висело столько звезд, что было видно и без луны. Как таинственное видение, наплывали темный мостик, камыш вокруг него, белеющий в отблесках костра домик базы. Столб молочного дыма поднимался между акациями, и казалось, что от костра, льющего красноватые отсветы на верхушки камыша, даже сюда, на середину протоки, тянет запахом жареной рыбы. Наверное, мы сильно проголодались...

13

Ночевали в стоге сена. Вокруг базы стояли, заготовленные егерями на зиму, небольшие стожки сена. Сейчас они черными дырами маячили на фоне яркого звездного неба. В

одном из таких стожков мы и устроились на ночь.

После рюмки водки и долгого разговора у костра Валентин отрубился сразу. Он завернулся с головой в одеяло, упал в сено и через минуту уже посапывал тихо и спокойно. Валентин – человек уравновешенный в своих поступках – завтра не хотел пропустить утреннюю зорьку.

Замечательно пахнет сено. Небо глубокое и чистое, такое далекое от городских электрических зарев, что кажется, будто городов не существует вовсе. Таким оно, наверное, было повсюду две-три тысячи лет назад. Млечный Путь широкой, почти сплошной полосой серебристо-холодного света перечеркнул небосвод, изредка с него срывалась крупная звезда и таяла где-то вдали, оставляя легкий дымный след.

Ближе к утру потянул свежий ветерок, и сразу же зашелестели, зашептали стебли камыша, заскрипели ветвями старые акации. Стали налетать злощие комары, они кружили над нами, порывы ветра сгоняли их в сторону, и они исчезали, почти не причиняя беспокойства.

Вершина стога хорошо защищала от ветра, в сене тепло и уютно. Необъятная ширь неба над поймой подавляла, напоминала о том, что и база, и мы на ней всего лишь малюсенькая точка под ее пологом, которой так мало нужно для того, чтобы чувствовать себя счастливой. И как неизмеримо мало и коротко существование этого счастья.

На юго-востоке заблестела Венера. Спать уже просто необходимо. Но я еще долго лежал, вдыхая пьянящий степной воздух, подмешанный запахами свежего сена и теплой речной сырости, любясь волшебной красотой ночи над пока еще диким уголком природы, пытался чувствовать себя человеком древности – времени без городов, железных дорог и реактивных самолетов, когда еще только природа воздействовала (растила) на человека, а не он на нее. Кажется, мне это чуточку удавалось...

14

Зорьку мы, конечно, проспали. Страстный зрыболов Валентин, убаюканный пойменным ветерком, мирно спал, видимо, так и не высунув за ночь из-под одеяла носа.

Солнце поднималось над поймой, стгоня к воде редкие ключья тумана.

Я пошел на мостик. Трава влажная и мягкая. Настил мостика, темный от сырости, еще не бросал тени. Легкий ветерок морщил воду.

Жители протоки давно проснулись. У мостика густо суетилась, ожидая подачи, глупая речная мелочь, брызгала фонтанчиками в разные стороны от прожорливого окуня. На середке изредка вскидывалась гулким хлопком, распускала круги крупная рыба. Под камышом деловито сновали утки, поодаль беззвучно пересекала протоку ондатра.

Появился Валентин, заспанный, всклокоченный.

— Чего не разбудил? — сердито мне.

— Сам только проснулся.

— Эх ты, еще рыбак!

— А ты?

Он улыбнулся.

— Мотнем на место? Еще не поздно...

— Волоки удочки...

Он сбегал за снастями, я отвязал кайку.

— А Федор где? — спросил Валентин, устраиваясь на корме.

— Наверно, пошел по участку.

Выгребли к вчерашнему месту.

— Не бухай,— предупредил я. Валентин собрался бросить якорь.

Валентин опустил якорь осторожно, нос лодки я привязал стеблями камыша.

Удивительно, но в неподвижной с виду протоке имелось течение. Оно часто меняло направление и, видно, зависело от ветра на большой воде. Заметить его было трудно, но лодку или другой плавающий предмет медленно сносило, приходилось применять якорь, а то и два, чтобы лодка не разворачивалась.

Валентин забросил удочку. Поплавок мягко лег на воду, замер на ее гладкой поверхности. Белесый шарик недоваренного пшеничного зернышка скользнул в глубину.

— Ловись, рыбка, мала и велика, ловись, рыбка...

— Молишься? — Я возился со своей удочкой.

— Заклинаю.— Валентин бросил на поплавок горсть тех же пшеничных зерен — подкормка. Выбив фонтанчики, они на миг взбурлили гладь воды, пустили маленькие радужные пятна подсолнечного масла.

— Рыба ничего не поймет — уж слишком ты гнусавишь.

— Поймет. Куда ей деться? Есть! — Валентин подсек, крупная красноперка выскочила из воды, забила на крючке и через секунду шлепнулась за борт кайки.

— Первый улов реке...

— Да, — скривился Валентин. — Но почему он всегда такой хороший?

— Не жадничай, вспугнешь удачу.

— Нет, не жадничаю, мне совсем не жалко! — поспешил исправиться Валентин.

Что такое рыбалка? Как объяснить эту вековую страсть здоровых и сытых мужиков, которые часами просиживают у воды с удилищами в руках и радуются как дети, поймав рыбку величиной с ладонь?

Нестерпимый блеск воды. Солнце поливает плечи малиновым жаром. Зыбко, чуть покачивается легкая кайка. Ой! Степная муха, паразитка, жиганула в спину, вон комар-сволочуга, ночь проспал, теперь пристроился к измазанной илом ноге, жало точит...

Сидеть неудобняк, седалище затекло, спина, словно столб — для равновесия, но то все мелочи. Вон та красная горошина с леской на изумрудной, расшитой живыми темно-зелеными листьями скатерти — она сейчас главное.

Там, ниже, под нею, ходят невидимые желанные чурочки, поблескивают темным металлом чешуи.

Что такое чебак граммов на семьсот-восемьсот? Не накормишь до отвала приличного мужика. На рынке у машины-бочки в полчаса можно купить десяток килограммов. Не надо мерить километры, таскаться по грязи, спать где придется, мокнуть, мерзнуть или жариться. Удобно? Может быть. Только не почувствуешь, не скажешь, что своими руками, вот так да этак — долго водил, марьяжил, хитро тянул, чуть не сорвался, но ты... И не увидишь восхищенных, любопытных глаз своих близких, затаенной зависти такого же фаната-удильщика, не вспомнишь потом бездонности звездного неба, терпкого запаха рубиновых угольков костра, той хитрой и сильной рыбины, встречи с которой так ждал и не дал ей себя объегорить.

Так что же такое этот чебак (или сазан)? Не слишком большая добыча? Всяк поймет.

Подхватит такого чебака, почувствует его силу и упрямую стремительность, помается с ним, дрожа от нетерпения и страха, вытащит, засунет в садок и тогда поймет. А если вдруг что побольше да помощнее?..

Страсть охотника заложена в нас природой. Страсть игрока. Так что же там ходит под широкими лапами кувшинок и лилий? Какой шар? Хоп! Не волнуйся, не спеши... держи, держи! Ага, есть! Хорош линек, полкило потянет. Но есть же там еще, что поросенком брыкается на вечерней зорьке! Ходит здесь где-то. Ну, еще заброс, еще шар...

Валентин придумал новую ловлю. Взял вторую удочку, привязал крючок побольше и — с живцом под камыш. Скоро поплавок заметался, потянулся в кушири, и р-раз! — на крючке здоровенный окунь! Валентину понравилось, настроил еще одну удочку. Окунь хватал реже, но брал эффектной тяжестью и почти не отвлекал от ловли на зерно. Иногда на крючке сидел щуренок.

Удача не испугалась «жадности» Валентина — тут это было бы довольно трудно. Через три часа наши садки, привязанные к борту кайки, были полны хорошей, крупной рыбы. Как раз такой, которую можно брать обыкновенной удочкой — максимум ее возможностей. Мелочь мы возвращали протоке.

Клев заканчивается, а мы все сидим и ждем. Еще, ну, может, еще одна, та самая... Солнце перевалило на день, но есть же еще вечер, и мы, нетерпеливые, уже думаем о нем...

15

Солнце уже жарит. Клева нет — рыба стала совсем ленивой.

Я посмотрел за борт, в воду. На дне, в тени лодки, среди подводных зарослей большая авоська с макухой, хлебом и кирпичиной для тяжести. Над авоськой сутилась густая стайка мелкой рыбешки, теребила макуху, дралась за хлебные крошки. В полуметре от прикормки, в куширях, притаился крупный окунь. Рыбешки вертелись рядом и на хищника откровенно «чихали». Глупышки, он только выставляется, будто уснул, будто не для него столь пустяковая добыча. Я не верил ему.

— Смотри, — сказал я Валентину, — окуняра стоит, выдушивается. Сейчас хватанет какую-нибудь раззяву.

Валентин задрожал от любопытства, тоже сунул нос в воду. Время тикало, рыбехи резвились по-прежнему, а окунь словно сдох — только чуть шевелились передние плавники.

— Какого кляпа он дрыхнет? — возмущенно прошептал Валентин. Ему страшно хотелось увидеть охоту окуня. — Лодырюга какой-то или уже обожрался!

— Дай живца.

— Думаешь, он такой тупой?

— Давай...

Валентин сунул мне удочку со свежим живцом.

Осторожно, чтобы не спугнуть хищника, я опустил живца в воду рядом с окунем. Живец чертил под водою слабые круги, возле окуня вдруг резко рванул в сторону. «Лодырюга» — тотчас же молнией к живцу, я дернул леску, видно, слишком поспешно — вода засветилась множеством мелких серебристых чешуек, почти голый живец болтался на крючке, а окунь исчез.

— Ну, тупой?

— Ты смотри, — удивился Валентин, — на живца позарился! — Он чухнул затылок, достал сигареты. — А я почему-то думал, хищники любят хорошую, вкусную рыбу, а живца, блесну хватают либо сдуру, либо с голодухи.

— По себе, наверно, мерил. Он же санитар...

Послышался далекий стук лодочного мотора. Он низко стлался над водой, то приближался, то отдалялся, наконец, пустив на повороте крутую волну, в протоку ворвалась моторка.

16

Шашков улыбался широко и приветливо. Он привез подарок от Ксюши: холодное молоко.

— Как успехи?

— Успехи наши стабильно растут!

— Настроение? — спросил он у Валентина.

— Во! Как тутошная природа!

— Хотите покажу?

— Что?

— Ее, природу.

— Хотим! — дружно взревели мы.

— Сматывайте удочки и прыгайте ко мне...

Мы перебрались из кайки в моторку. Шашков дернул шнур, двигатель взвыл, запенил зеленую гладь, поднял со дна ил. Шашков прибавил обороты, секунду помедлив, дюралька дрогнула и, закладывая крутой вираж, понеслась по протоке в сторону от водохранилища.

Часа три гонял Шашков по своему участку. Это была какая-то степная Голландия или Венеция. Ни я, ни Валентин не ждали того, что показал нам Шашков.

Оказывается, протока, на берегу которой стоит база и которая собачьим хвостом закручивается вокруг нее на первом же повороте, делится на три рукава: один из них и был тем «хвостом» с густой опушкой камыша, отделяющим базу от поймы, два других расходились почти перпендикулярно и снова двоились, троились — скоро я уже потерял счет рукавам, протокам, каналам, а моторка все мчалась и мчалась вперед.

Иногда мы упирались в плотный барьер камыша, и Шашков сбрасывал обороты, лодка клевала носом, поток воздуха слабел, и сразу чувствовалась жара над водой, а может, то просто горело лицо, обожженное тугим ветром. Всё, протока кончилась, перед нами — край этой водной паутины, и Шашков сейчас повернет обратно, но он тыкал дюральку прямо в камыш, Валентину: «Пхай лодку веслом вместо шеста!» — а сам переходил на нос, руками раздвигал крепкие, жесткие стебли.

Несколько десятков метров дрались сквозь заросли. Мотор неожиданно взвыл и глох, но Шашков не обращал на него внимания.

Стена камыша впереди светлела, и снова открывалась широкая водная гладь. Шашков поднимал мотор, сдирал с винта водоросли, дергал шнур, и мы мчались дальше.

Местами берега сходились так близко, что можно было легко перепрыгнуть с одного на другой. На полной скорости мы пролетали проливчик, скользнув по глинистым откосам, бросали на луговую траву тяжелую волну. Да, Шашков знал свой участок.

— Сколько же здесь воды? — восторженно кричал сквозь упругий ветер Валентин.

— Много!.. — улыбался Шашков.

Почти все протоки в зеленых плотных рамках густого камыша, двух-трехметровые стебли раскачивались в набегающей волне, беззвучно тре-

петали верхушками. Только изредка попадались голые мыски и пологие подходы к воде, натоптанные зверьем к водопою, они смотрелись узкими щелями-окнами в бескрайнюю пойму.

— Смотри! — кричит Шашков. — Смотри!

Лодка, закладывая вираж, чертит на воде полный круг.

— Ой, красавец! Ой, чудище! Редкий гость! Осанка — что тебе принц! — смеется Шашков.

— Сколько их у тебя?

— Шесть штук! Выше лесок есть, километров пять отсюда. Там гуляют. Этого чего-то сюда занесло...

Лось! Здоровенная зверина у воды! Поднял окороненную голову, смотрит, словно недоумевают: чего, мол, расшумелись, круги вертите? Несерьезно!

Мотнул головой, развернулся, степенно двинул тропкой через камыш.

Моторка летела дальше.

То там, то здесь редкие рыболовы на резиновых лодках. Удочки, кое у кого пара раколовок. Некоторые в знак приветствия поднимают руку — знают Шашкова...

Пронеслись мимо базы, обогнули остров, вырвались на залитую солнцем водную ширь. В сизовой дымке угадывался лесистый противоположный берег, в километре левее нас навстречу ползла большая самоходная баржа, справа тянулись заросшие камышом низины с длинными заводьями и узкими глинистыми отмелями, по которым важно бродили цапли, потом — высокие, утыканые дырочками ласточкиных гнезд обрывы, накрытые, словно зеленой кудрявой шевелюрой, густой шапкой верхушек деревьев.

— Это все твое? — сквозь ветер и рев мотора крикнул я Шашкову, показал на берег, воду.

Он, улыбаясь, кивнул.

— Богатый ты человек...

17

— Ну, ужища! То-то, смотрю, лягушки попрыгались.

Валентин сидит на мостике, тычет пальцем в камыш. Там, на краю заводи, притаился здоровенный уж — плоская головка на берегу, длинное — метра на полтора — тело изгибами в воде.

— Ты куда? — спрашиваю.

– Поймать попробую. – Валентин спустился с мостика в воду.

– Зачем он тебе?

– Повяжу на шею. Как удава...

Подошел с ведром Федор. Увидел Валентина, ужа.

– Не надо. Это свой, домашний ужик. Смотри.

Федор пошлепал по воде лодочным черпаком. Уж дернулся, пару раз волнисто вильнул и снова замер. Федор постучал еще. Уж поднял головку, повернулся и поплыл к мостику, прямо к Федору. Мы обалдели тарашились на него. Неужели он так может?

Уж подплыл к мостику, секунду постоял, словно бы рассматривая и узнавая Федора, потом нырнул под мостик и скрылся.

– Он здесь живет. Привык, ему хорошо, и нам неплохо – зеленых горлопанок поменьше, разгоняет. – Федор зачерпнул воды, собрался идти.

– А гадюки здесь есть? – остановил его Валентин.

– Есть. Небогато, но есть. Зато ужиков полно. Вот вы знаете, как ужа от гадюки отличить?

– Знаем, – сказал Валентин.

– Как?

– Расцветка. На голове ужа два желтых пятна.

– Не, если в воде, када нос к носу встренесся?

Мы молчали.

– Так вот, уж плывет себе и плывет мимо, вточь знает: ни ты ему вреда, ни он тебе. Не ховается. А эта злодейка так сразу нырь, загнетса двойкой и стоит под водой, смотрит, што ты дальше делать будешь. Вроде как приготовилась к драке, не пускает тебя вперед. Вот так. – Федор забрал ведро, пошел по мостику. Уже на берегу обернулся, сказал: – Если наш вернется, вы его не троньте, не надо зазря беспокоить...

18

Федор угостил нас ухой. Настоящей казацкой ухой-тройчаткой, приправленной травкою, красненькими помидорами и душистым перцем.

Пока он колдовал над ухой, а Шашков писал какие-то бумаги в домике, мы с Валентином отбили у чаек вороненка.

Из зарослей камыша на поляну базы неожиданно выкатился живой, орущий ком, закрутил-

ся в сторону акаций. В бело-серой массе мельтешило черное пятно. Мы тоже заорали, засвистели, захлопали в ладоши. Недовольно крича, чайки взмыли, унеслись в сторону водохранилища. На траве остался молодой, но вполне взрослый вороненок. Не в силах взлететь, он сидел, широко раскинув крылья и поводя по сторонам смоляной головкой с приоткрытым клювом.

Подошли ближе. На спине и головке птицы атели капельки крови. Чем прогневал глупый вороненок мстительных чаек, было непонятно, но потрепать его они успели изрядно.

Вороненок – боком в отступление. Валентин изловчился, схватил его за крыло. Тот оказался на редкость злым и нервным, все время дико верещал – ругался, наверно, по-своему – и норовил двинуть Валентина толстым, похожим на серый дюбель, клювом. Валентин, уворачиваясь, смеялся.

– Не понимает, дубина, что мы его спасли!

Долго его не удержать – Валентин отпустил вороненка, тот – сразу под столик у стены домика, забился, устраиваясь, видимо, надолго.

– Смотри, – кивнул я на вороненка.

– Соображает все-таки, – засмеялся Валентин.

Федор поставил на столик закопченный котелок с ухой. Уха пахла дымом, какими-то травами и немного – рыбой. Запах этот сжал наши сердца и желудки.

– Зовите Виктора, – сказал Федор, нарезая хлеб.

– Викторыч, давайте быстрее, уха выдохнется, – зашумел Валентин в открытое окошко домика.

– Я счас, разводите по мискам! – точно команда, донесся голос Шашкова. Федор заработал черпаком.

Минут десять мы ели молча. Вороненок, наверно, требуя свою долю, поклевывал нас в ноги, но мы не чувствовали ничего, кроме чистого, природного голода, тушили его горячей наваристой ухой.

Валентин первый справился со своей порцией, протянул миску Федору.

– Прошу добавочки...

– Ну как?

– Сила! И почему дома не так вкусно?

– Жены нет, – улыбнулся Шашков.

– Точно! Словно оживаешь! И забывается все, и все на пользу.

— Помолодел? — спросил я.

— А что? Вполне нормально. Тут же воздух-бальзам! Пища самая натуральная. Что добыл, то и съел. Никакой химии. Кругом зверь, птица! Работа без ругани и внушений. Ни трамваев, ни начальства...

— Стоп! — не выдержал я. — Окосел, что ли, после одной рюмки?

— Окосел, — согласился Валентин. — От ухи, от всего, что вокруг. Зря ты так. Может, все это кому и привычно, но не мне... Я, так сказать, выкладываю свои первые, самые чистые впечатления и чуток — тайные желания. И нет удержу моей радости! А ты?..

— Не обижайся, — сказал Шашков. — Нам тоже на пользу иногда послушать такое, чтоб не обрастать скорлупкой привычки.

— Слышьте, Викторыч, возьмите меня на работу. Согласен на любую, самую грязную, и это... беззарплатную.

— Ты не бросишь город, — сказал Шашков.

— Брошу, честное слово!

— А жена?

— До развода!

— Здесь не всегда так, — вставил я. — Знаешь, как тут несколько месяцев в году?

— Представляю.

— Представлять мало. Надо померзнуть на ледяном ветру, хлебнуть здешнего зимнего дождя — каждая его капелька висит в воздухе и впитывается в одежду, в кожу. Мегычка, слышал?

— Слышал, — уверенно кивнул Валентин.

— Есть еще самая жирная грязь на свете, липнет она на сапоги килограммов по двадцать враз, есть серая, тоскливая пустынность поймы...

— А ты-то откуда знаешь такое? — перебил меня Валентин.

— Давай приедем зимой или поздней осенью — увидишь.

— Зря потеешь, Леша. Зря. Ну, Викторыч?

— Не сердись. — Шашков положил руку ему на плечо. — Каждому свое. Не работодатель я. Да и по штату нас тут только двое. А вот отдохнуть прибегай, рад буду...

19

Валентин принес из машины сигареты. Сели покурить после еды.

Внезапно налетел ураганный ветер, смел все со стола. словно кто махнул невидимой тряпкой. С большой воды быстро наваливалась черная, с пепельно-серыми рваными краями туча. Она захватила полнеба и скоро проглотила солнце.

— Счас врежет! — крикнул Шашков. — Бегом в хату!

Но мы уже мерили поляну без лишних толчков.

Ветер просвистывал залпами, драл тучу в ключья. Степь за домиком стала буро-зеленой, вода у мостика — серой и морщинистой. В липких сумерках сверкнула молния, тут же, вспарывая плотную тишину, треснуло небо, покотился гром по степи, дробясь на множество осколков, потом — еще молния и еще, и гром гремит уже без продыха. Резко, будто кто перевернул огромное ведро, свалился дождь. Ливень стоял стеной, с шумом падал на пойму, стучал в окна, барабанил по крыше. И сейчас же на поляне — ручейки, речки, быстро, извилисто, вспухая на глазах, — к протоке.

В пелене дождя пропали акации, мостик, камыш. Мир сузился, — это была та замкнутость, когда особо чувствуется необъятность поймы, ее пустынность и голос, когда хлест дождя, всплески молний и раскаты грома подчеркивают одиночество, затерянность и полную вашу мелкоту в огромной, яростной природе.

Дождь лил с полчаса, потом так же, разом, прекратился. Заголубело, засияло чистотой небо, лишь далеко на западе долго еще беззвучно вспыхивали красноватые зарницы.

— Как будем выезжать? — спросил я Шашкова.

— Нормально...

Действительно, через час было уже совсем тихо и почти сухо, только воздух, зелень и вода — теплая после дождя и почему-то солоноватая — были залиты безграничной свежестью.

20

Мы с Валентином собираем хворост для костра. Степь, — с дровами скудно. Неписанный закон живет на базе у Шашкова: каждый, кто приезжает сюда, должен привезти хлеб, воду и соль. Впрок. И добыть пищу для костра.

Густущая лесополоса с мелкими, тонкоствольными акациями и кленами подступила к воде,

чуть приподнялась над верхушками чакана, заглядывает в протоку.

Что за лесополоса? Откуда взялась? Деревья вроде молодые — значит, выросла уже после строительства водохранилища. Только кто и зачем посадил здесь ее? Рядков не видно. Или это лесок — длинный и неширокий? Но почему столько кленов и акаций и больше ничего?

Что за треск в куширях? Валентин, что ли, ломится сквозь кусты медведем? Кажется, он не туда пошел... Ага, вот он!

— Валя, — зову его тихо, — Ва-ля-я...

— А-а? — отзывается он.

— Тс-с. Иди сюда.

Валентин подошел.

— Слышь? Трещит...

— Слышу. Что такое? Может, ветер?

— Нет... Другое...

Трепещут длинные листки акаций. Заросли густые, но солнечные.

Из куширей прямо на нас выкатился полосатенький комок, застыл на месте, водит головкой. Поросянок! За ним — еще один! Стоят, смотрят. Через секунду — дружный визг, и назад — в чашу! А оттуда глухое, сердитое: «Хр-р, хр-р». Мы с Валентином тоже застыли — слушаем это сердитое, крутим глазами: дерево нам бы потолще да повыше. На всякий случай. Вдруг секач?!

Затрещало в кустах опять, зашумело. Только дальше, еще дальше — ближе к камышу. И стихло. Напугались? Или не стали связываться? Принимают. И нам легче...

Хворост в охапку — и на базу. Но замечательно все-таки встретить в лесу такой ворсистый пятачок...

21

Вечером сидим у костра. В большом котелке кипят раки. Я вспомнил, как сынишка моего приятеля из Москвы, приехав сюда с отцом в первый раз, увидел раков и удивленно спросил: «Почему здесь раки зеленые?» Мальчишка не видел живых раков и потому считал, что и в реке они ползают красными. Грустная мысль, но, может, когда-то ребята вообще спросят: а что это такое?

Вороненок устроился на ночлег под столиком

и, видно, вполне там освоился. Все-таки мы внушали ему доверие.

После дождя клев вялый, и вечер у нас пропал. Хотя нет, что это я выдумал? Здесь не пропадает зря и минуты, потому что каждую минуту, каждую секунду дышишь пьяным ветром луга, слышишь таинственные всплески, голоса птиц, шелест камыша, босыми ногами чувствуешь шелковистость травы на поляне, — постоянно купаешься в празднике, которого начисто лишен в городе.

— Федь, откуда у вас между стеклами сухая тушка ласки?

— Ты помнишь, прошлый год вон там, под стрехою, гнездо было ласточек?

— Помню.

— Я, кажись, сарай чинил, как вдруг кутерьма, ласточек — туча, орут подле гнезда, маются. Потом зараз все заглохло. А в этом году гнездо кокнулось, бок отпал. Я глядь, а в ем ласка. В гнезде яйца были, она пошкодила, так те ее замуровали в один секунд. Год пролежала, што в консервной банке, — не пропала. Только высохла вся...

Белесый дым столбом тянется к звездному небу. У костра тепло, уютно и совсем не хочется разговаривать. Мы курим и смотрим на пляшущие, бегающие по веткам сухого хвороста язычки пламени. Изредка кто-то лениво бросает короткую фразу, и снова воцаряется тишина, только потрескивает костер, шипуче постреливает угольками...

22

Солнце медленно золотило верхушки камыша, бросало гранатовые капли в воду. Сегодня мы встретили восход солнца в лодке у прикормленного мыска. Клев снова хороший, и только успевай поворачиваться — садки наши быстро толстеют.

С восходом пришел свежий ветерок. Протока зарыбилась, поплавок начал прыгать, отличать поклевку стало труднее, но рыба брала все так же хорошо, а «зевки» только подогревали наш азарт.

Валентин бросил в воду снулую рыбешку, она закачалась на зыби недалеко от кайки. Тотчас же откуда-то из глубины пустынного неба сорвалась чайка, победно закричала и, схватив рыбешку, взмыла вверх. Рядом, сердито крича, крутулась еще пара и скрылась за

стенной камыша, Валентин бросил еще рыбешку, все стремительно повторилось, только чаек стало больше.

— Во зрение! — сказал Валентин. — Видят такую мелочь, когда самих не видно! А реакция!..

Слово, сказанное над водой, улетало к противоположному берегу. Мы отчетливо слышали, как, перебирая какие-то снасти, разговаривал с вороненком Федор...

23

Таинственная глухомань. Забыть о том, что рядом база, притаиться и наблюдать. Какое еще чудище вскинет голову, какая рыба плеснет над омутом, какой зверь примнет камыш, потянется горячими губами к воде? Тихо! Наблюдать! Чутьочку воображения... Спокойно, величаво дышит протока, колышется камыш — прячут, стерегут жизнь бурную, переменчивую и хрупкую...

Валентин подсек, дернул леску. Поплавок подскочил, дрыгнулся, косыми линиями стал уходить от лодки. Валентин вскочил, накренив лодку, дрожащими руками положил удилище.

— Оторвал! Вот это да! — прошептал он, бледнея.

— Крупняк! Уйдет! — У меня не было сомнений. Валентин бухнул прямо в одежде. Поднял волну, вынырнул без очков — до них ли сейчас? — помахал прямо за поплавком. Догнал, счастливый потянул за леску. На крючке сидела красноперка с палец величиной.

— Вот короста! Надо же — оборвала! — крикнул он возмущенно.

Я смеялся.

Стоя по шею в воде, он осторожно снял рыбинку, подержал в пятерне, пустил в протоку.

— Плыви. За смелость! За то, что хоть минуту, но побыла большой рыбой...

Очки искали долго. Валентин плавал, я с лодки просматривал дно. Наконец повезло! Мигнули солнечным глазом стёкла. Зацепились дужкою за стебель какого-то растения, не ушли на дно в темные джунгли. Валентин поднял их и почти торжественно водрузил на нос.

— Вот смехота! — сказал он, вваливаясь в лодку. — Подшутила, зараза!

— Давай менять место. — Я потянул веревку якоря...

Клев продолжается. Вот белая палочка поплавка покачнулась, чуть пошла в сторону — и резко, скачками: нырь, нырь! Ага, есть. Ташу. И вдруг рывок, и сразу добыча идет туго, удилище согнуто до предела. Что такое? Зацепила пучок водорослей, что ли? Настроение сразу падает — боюсь оборвать леску.

На поверхности появляется какой-то клубок... рыбы. Сразу не пойму, что это такое, но ташу. Обычных уходов в сторону нет, только упрямое сопротивление.

— Щука! — шепчет Валентин. — Щука...

Точно — щука! На полметра. Пойманная на крючок таранка, в ладошку, в зубах у серой разбойницы — зажала поперек, упирается, не дает тянуть. Но — какая красавица. Дрожим от напряжения и страха, что уйдет.

— Попусти, дай заглотнуть! — Валентин забыл про свой поплавок, который гоняет по воде какая-то рыбеха.

Я ташу.

— Да попусти ты, говорю, уйдет же! Пусть заглотнет, поперек же не может!

До лодки метра три. Действительно, потянешь из воды — щука тут же бросит рыбинку и уйдет. Попускаю осторожно, даю слабину.

И сразу же рывок, дерзкий и сильный. И — поплавок с легкостью из воды прямо к нам в лодку. Мы оцепенели. А щука в трех метрах на поверхности стоит с добычей в зубах, смотрит на нас и, наверное, усмехается зажатой пастью. Постояла-постояла, поиздевалась и — в глубину, вильнув хвостом.

Мы долго не могли прийти в себя, отдышаться.

— Ушла все-таки... — с сожалением протянул Валентин. — Сколько ловлю рыбу, не видел такого...

Потом мы рассказали о щуке Федору.

— Зря леску послабили, — ответил он. — Не выпустила бы она. Зубы у ей такие, назад гнутые. Так што, хочь и желала бы, все одно добычу не плюнуть, одна дорога у ей — в брюхо. Если б подвезло, не сорвалась бы с крючка, так вытащили бы ту щучину...

Да, если б подвезло, да если б знали мы про ее зубы.

25

К полудню погода резко изменилась. При ясном небе с востока подул сильный и ровный ветер, вода в протоке стала цвета бутылочного стекла, залокотала, запенилась. С водохранилища рядами пошли седые, гривастые волны, они раскачивали камыш, обдавали нас холодными брызгами.

Удить трудно — лодку сильно болтает, несет в кушири. С сожалением сматываем удочки, гребем к мостику, едва передвигаясь против волны. Фанерная кайка сразу стала тяжелой и неуклюжей.

— Счас будем обедать. — Федор встретил нас на мостике, привязал лодку.

— Спасибо, Федя, но мы, пожалуй, двинем домой. Пора собираться, — сказал я.

— Куды торопись? Побыл бы ишо.

— Хватит. Ветрюган все одно не пустит к воде, а пара лишних часов ничего не даст.

— Приедешь?

— Приеду. Недельки через две-три.

— Рыбу заматайте в сырое одеяло, чуток присолите. Так доставите.

— Пока, Федор! — Мы пожали ему руку.

— Счастливо...

26

Впереди препятствие. Узкий ерик рядом с дорогой то ли от недавнего дождя, то ли подпертый ветром и волнами выплеснулся наружу. Вода широко разлилась по лугу, наполнила колею дороги, стекала небольшим ручьем в сплошь заросшее камышом солончаковое озерцо.

Остановились, вышли из машины. Лужа расплзлась метров на пятьдесят, объехать негде — на влажной почве поймы это была задача.

Разулись, пошли пешком. Луговая трава тупыми и жесткими уколами отзывается на шаги.

— Ну что, уехали? — ехидничает Валентин.

— С базы — да.

— А дальше?

— Дальше ямы не пускают.

— И что мы думаем?

— Ничего.

— Впереди десяток километров до первой

тракторной бригады, позади — одна егерская сила в лице Федора.

— А ты?

— И я, — согласился Валентин.

— Поехали.

— Засядем.

— Вот тогда и будем думать, что впереди, а что позади.

— Воды в колее почти по колено.

— Плохо, что не видно. Но ты мне покажешь.

— Как?!

— Беги по траве — там почва плотнее, корни.

Смотри: нет ли ям или трясины. Я за тобой следом. Только останавливаться нельзя, тогда уже засядем точно.

— Если увижу яму, как тебе покажу?

— Ты только беги, выбирай дорогу да вовремя сворачивай. Я буду крутить по твоему следу.

— И наедешь на меня...

— Не бойсь, иначе будешь ночевать в этом болоте.

— Я пойду рыбу ловить...

— А я на хозяйстве сидеть, да?

Валентин пожал плечами.

— Давай, двигай!

— Даю, — не очень весело сказал он.

Валентин бежит впереди машины по залитой водой луговой траве, резко бросаясь из стороны в сторону. Я еду за ним вплотную, пытаюсь точно повторять все его вихляния. Валентин развил предельную скорость, и мне нужно не отставать от него, чтобы не потерять в жесткой траве его след. Это похоже на погоню. Ревет мотор, мелькают трава перед капотом, голые пятки Валентина, веером разлетаются из-под колес и его ног брызги. Машина юзит — только успевай крутить баранку.

Наконец сухо. Подошел Валентин, вытер пот со лба.

— Ну и пробежка...

— Бег по воде отлично развивает мышцы ног...

— Не хочу развиваться, — отмахнулся Валентин. — Хоть не зря когти рвал — не засели.

— Поехали...

27

Через десяток километров по шоссе — вокруг современно, индустриально и даже модно. Тянутся ухоженные поля, животноводческие

фермы, мелькают силосные башни и башни Рожновского, сбоку дороги пылят тракторы, мчатся по шоссе машины.

В придорожных хуторах на остановках автобуса голосуют люди. Мы взяли попутчиков — двух девушек с большими сумками.

— Вам куда? — интересуется Валентин, когда они, довольные, устроились на заднем сиденье «Жигулей».

— В город! — стрельнула синими глазами одна из девушек, со ржавинкой в волосах и еще не сошедшими веснушками на курносом носу. Бойкая, видно, девчонка!

— Зачем?

— Как зачем? — поражает курносую вопрос. — Мы живем там, работаем.

— А здесь что делали?

— Дома были.

— Дома?

— Да. У родителей.

— Вы местные?

— Родились здесь, в школу ходили.

— И в город уехали?

— Уехали...

— Тут плохо?

— Нет, не плохо.

— Так зачем же вы в город поехали? Места здесь такие замечательные! Чудо рядом!

— Места у нас хорошие, знаем. Но то же город! Миллион жителей! Там все есть! Так что ж нам

киснуть здесь? Чудной вы, дядька! Такой большой, а не понимаете! Скажи, Тань.

Таня, темная шатенка, полная мягкой женственной силы, что привлекает внимание даже к некрасивой женщине, молча кивнула головой.

Они мало придавали значения тому, что совсем рядом с их домом лежит чудный уголок почти девственной природы, в соприкосновении с которым хочется говорить шепотом, дабы не нарушить сложившийся покой, ступать осторожно, чтобы не сломать, не испортить чего невзначай. Было немножко досадно от того, что они привыкли к ней и мало ее замечают. Тянет их еще к городским камням, горячим и душным, к трамвайному грохоту. Пока...

Посмотрите, девчонки! Ведь цветет еще где-то простенький ландыш, терпко пахнет светлый сосновый лес, скачет с ветки на ветку белка, горит капелькой крови одинокий степной тюльпан. Это наша жизнь — не замечать ее нельзя. Давайте нагнемся, глянем и — сбережем ее...

И хорошо, что есть еще на свете такие люди, как Шашков и его молчаливый, немного угрюмый помощник Федор, потому что пока будут они, будет и нам на что оглянуться, над чем-то подумать...

Ростов-на-Дону, 1981 г.

□

Алексей Григорьевич БЕРЕГОВОЙ,

прозаик, публицист.

Родился в 1947 г. в Новошахтинске (Ростовская обл.).

По образованию — строитель.

Автор 12 книг прозы и публицистики,

в которые вошли четыре романа, пять повестей,

около четырех десятков рассказов.

Член Союза писателей России,

председатель правления Ростовского регионального отделения

Союза писателей России,

председатель правления-директор

Ростовского регионального отделения

Литературного фонда России.

Живет в Ростове-на-Дону.

В журнале «Север» публикуется впервые.

